

ЖИЛИЩНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС БУРЯТ ВОСТОЧНОГО ПРИСАЯНЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

канд. ист. наук
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

В статье рассматривается развитие жилищно-поселенческого комплекса присаянских бурят во второй половине XIX – начале XX в. Анализ источников показал, что у данной этнотерриториальной группы бурят происходил количественный рост поселений, возникали их новые формы, появлялись новации в архитектуре бревенчатых юрт, наряду с заимствованием домов русско-сибирского типа создавались гибридные типы жилищ.

Ключевые слова: жилищно-поселенческий комплекс, буряты, Восточное Присяянье.

В изучении жилищно-поселенческого комплекса бурят актуальными представляются изыскания на уровне субэтносов с учетом исторической ретроспективы. Цель настоящей статьи – выявление трансформаций, которые произошли в жилищно-поселенческом комплексе присаянских бурят во второй половине XIX – начале XX в. Источниками для исследования послужили архивные, статистические, литературные и полевые материалы.

Во второй половине XIX в. подавляющая часть присаянских бурят тяготела к полуоседлому и полукочевому образу жизни – например, по данным на 1868 г., 92,7 % бурят Тункинского ведомства представляли эти категории, причем численно доминировали полуоседлые буряты.

Оседлые являлись относительно небольшой по численности группой в составе тункинских бурят – в 1868 г. их было 857 чел.¹

(7,3 %). Они компактно проживали в нескольких деревнях, расположенных в низменной части Тунки. Доля оседлых у окинских и закаменских бурят была существенно ниже, чем у тункинских бурят, что объяснялось отсутствием в Закамне и Горной Оке мест с подходящими природно-климатическими условиями для ведения земледельческого хозяйства.

В зависимости от района проживания полуоседлые и полукочевые буряты совершали различное количество сезонных перекочевков. В низинах тункинские буряты кочевали дважды в год с зимних стоянок на летние и обратно [1, с. 18–19]. При этом расстояние между сезонными поселениями составляло 3–15 км²

. У закаменских бурят (у с. Ключевское (Санага)) тоже имелось две перекочевки. Их зимники располагались поблизости от селения, но с июня по сентябрь включительно они находились в самом селе [2, с. 17].

В высокогорных районах из-за недостатка пастбищных земель число кочевков возрастало до четырех – в соответствии с сезонами в календарном году. У окинских бурят сезонных переездов было от двух до десяти в году, а дальность достигала 5–50 км [3, с. 57].

Сроки проживания полуоседлых бурят на сезонных поселениях были разными, от них зависело строительство того или иного типа жилища на каждом из поселений.

Особенностью, характерной для большинства присаянских бурят в прошлом, была четко выраженная вертикальная система кочевания: зимние поселения находились в низине, а межсезонные стоянки располагались по пути следования на летние поселения, находившиеся в высокогорных долинах. Причем, по словам некоторых информаторов, межсезонные стоянки устраивались поблизости от зимников, всего в 1–1,5 км, а по рассказам других очевидцев, они находились примерно посередине между зимними и летними стоянками.

Критерии выбора мест под сезонные поселения у присаянских бурят не изменились по сравнению с предшествующим периодом: выбирались возвышенные местности, а также находившиеся у подошвы гор, прикрытые от ветра холмами, обязательным условием было близкое расположение естественного водоема (для водоснабжения), заболоченных территорий (в качестве пастбищ), лугов (для покоса) и леса (для получения отопительного, строительного и поделочного материала) [4, с. 235].

По данным Первой всеобщей переписи 1897 г., в Хоймарском ведомстве значилось 16 селений, в том числе

¹ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 171. Оп. 1. Д. 130. Л. 18.

² Там же. Д. 29. Л. 70.

13 улусов, 1 село (Тальское), 1 выселок (Кутульский) и Коймарский Парфеньевский миссионерский стан [5, с. 445–446]. Градация населенных пунктов ведомства по размеру была следующей: поселений, состоявших до 20 хозяйств, было 7; от 21 до 50 – 3; от 51 до 100 – 2; свыше 100 – 4. Самым крупным являлся Коймарский улус, население которого достигало 725 чел. Два других бурятских административно-территориальных образования, возникших, как и Коймарское ведомство, в конце XIX в. в результате реформирования Тункинской степной думы – Торская и Харбятская управы, были более населенными, чем упомянутое ведомство. В Торском управлении имелось 33 поселения (25 улусов, 4 селения, 2 зимовья-улуса, 1 мельница, 1 выселок) [5, с. 449–451] с общим числом жителей 3825 чел., а в Харбятском – 52 населенных пункта (43 улуса, 1 селение, 2 деревни, 1 выселок, 1 буддийский дацан, 2 православных миссионерских стана, 1 заштатная мужская пустынь, 1 казачий караул) [5, с. 451–453], в которых всего проживало 5822 чел. Структура поселений в названных управах была следующей: в Торском управлении поселений с числом хозяйств до 20 было 17, от 21 до 50 – 11, от 51 до 100 – 3, свыше 100 не имелось; в Харбятском управлении поселений первой группы было 31, второй – 14, третьей – 5 и четвертой – 1. Наиболее населенным в Торской управе являлось Еловское селение (320 чел.), в Харбятской – улус Хойтогол (586 чел.).

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что к концу столетия у тункинских бурят несколько расширился спектр разного рода поселений, среди которых доминировали улусы: первые строчки среди крупных населенных пунктов занимали, как правило, улусы. Заметим, что у данной этнотерриториальной группы преобладали малонаселенные (до 50 жителей) поселения.

В Горной Оке, административно входившей в Окинское родовое управление, согласно переписи 1897 г., имелось 22 поселения (21 улус и Окинский миссионерский стан) [5, с. 447–448], которые делились по числу хозяйств на: 17 населенных пунктов с числом хозяйств до 20; 5 – от 21 до 50; поселений, имевших свыше 50 хозяйств, не было. Наиболее населенным являлся улус Бурин-гол (143 чел.). Как видим, в отличие от тункинских бурят окинские жили только в небольших поселениях.

В конце XIX в. в ходе административно-территориального переустройства многие бурятские ведомства перешли к сомонно-булучной системе и на языке присаянских бурят улусы стали обозначать термином *булэг* ‘часть, группа’ [6, с. 123]. Слово *булэг* (в русском написании *булук*) вошло в названия ряда новообразованных поселений.

В относительно крупных улусах и селах имелись деревянные здания экономических магазинов, пожарных сараев, ледников, были выстроены часовни и водяные плотинные мельницы, во многих улусах работали кузницы. Для примера, в с. Торы помимо прочих построек располагались здание степной думы и тюремная изба.

Вследствие того, что на летниках семьи селились на расстоянии 0,5–1 км друг от друга, такие поселения, занимая значительное земельное пространство, имели дисперсный характер. Названия этим поселениям обычно давали по местности, где они находились (топонимы). В языке окинских бурят имелся специальный термин, определявший сезонную стоянку, – *тиирган* и, говоря о местоположении той или иной стоянки, они обозначали ее как восточная *тиирган*, южная и т. д.

К концу столетия в некоторых улусах, где проживало, как правило, неоднородное бурятское население, появились русские: в частности, в Торском улусе их было 13, в Тоэтском – 12 [5, с. 450]. В начале XX в. в с. Ключевском Закаменской инородной управы из более чем 2 тыс. жителей русских было около 30 чел., при этом они являлись, в отличие от местных бурят, постоянными насельниками [2, с. 17]. Наибольшая концентрация русского населения отмечена в Туранском карауле (77 чел.), зимовьях-улусах, а также на православных миссионерских станах и Ниловой пустыне. В деревнях, мельницах и выселках русских было меньше.

Войлочные юрты у данной этнотерриториальной группы бурят были редким явлением. Согласно Н.М. Астыреву, в конце 1880-х гг. у тункинских бурят не сохранилось даже воспоминаний о существовании когда-либо войлочной юрты [7, с. 207]. В Горной Оке этот тип жилища встречался только в Гарганском сомоне [3, с. 57].

Судя по материалам Тункинской степной думы, в 1868 г. местные буряты имели 2206 деревянных домов и 4137 юрт³

. В 1874 г. у них на 12 318 чел. было 2201 деревянных домов и 4178 юрт⁴

. В 1860–1870-е гг. пропорция между домами и юртами у тункинских бурят была следующей: в 1868 г. дома составляли 32,5 % жилья, юрты – 67,5, а в 1874 г. – 34,5 и 65,5 %. Несмотря на тенденцию строительства бревенчатых юрт, более распространенных по сравнению с домами, к концу века доля домов в структуре жилья все же заметно выросла.

В среднем каждое бурятское хозяйство владело деревянным домом и примерно одной–двумя юртами. Но так было не везде: к примеру, у окинских бурят практически единственным видом жилища в течение почти всего XIX в. являлась бревенчатая юрта.

Бревенчатые юрты в основном были четырех–восьмистенные, но бытовали также пяти–шестистенные, шести–восьмистенные варианты, различавшиеся прежде всего конструкцией кровли, наличием или отсутствием опорных столбов и настеленных полов. Как и в прошлом, оклад бревенчатых юрт старались делать из лиственничных бревен, а стены складывали из нетолстых сосновых бревен.

В зависимости от экономического положения буряты выбирали определенные виды зимних юрт. Восьмистенные строения могли позволить себе состоятельные люди. В архитектуре таких юрт появились

³ Там же. Д. 130. Л. 194.

⁴ Там же. Д. 157.

навесы-козырьки *hарабиша* над входным проемом и лестницы из двух ступенек. Датируют распространение этих новшеств 1870-ми гг. [8, с. 26]. Спецификой юрт жителей высокогорных районов являлось изготовление сруба из лиственницы. У части окинских бурят юрты были самыми низкими среди всех бурят. Объяснялось это относительной суровостью Горной Оки – частые низкие температуры зимой требовали максимально сохранять тепло в жилище, а это обеспечивалось благодаря небольшой высоте жилой постройки и толщине бревен.

Сруб юрты тункинских бурят имел 10–12 венцов, что было достаточно типично для такого рода строения у других групп бурят. Новациями в планировке их юрт стали устройство слева и справа от входа чуланчиков для хозяйственных вещей и продовольствия [7, с. 207], установка высоких дверей [1, с. 90].

В начале XX в. у тункинских бурят получили некоторое распространение шестистенные юрты с застекленными высокими окнами, обрамленными ставнями и наличниками, с четырехскатной крышей из теса. Следует обратить внимание на то, что в конце XIX – начале XX в. вместо смотровых щелей стали устанавливать в юртах пару небольших остекленных окон. Помещение отапливалось железной печкой, ме таллическая труба которой выводилась из светодымо во го отверстия. К входному проему пристраивалась за крытая дощатая веранда, поставленная на оклад из трех бревен и защищенная двускатной крышей. Та кая веранда завершалась лестницей с перилами [8, с. 145].

Малоимущие буряты строили на зимниках архаичного типа четырехстенные юрты, каркас стен представлял собой систему из восьми несущих столбов, поддерживавших потолочные балки. Стены были сложены из коротких тонких бревен, суженные концы которых вставляли в прямоугольные желоба, выдолбленные с двух сторон в несущих столбах. Крыша юрты была плоской и сложенной из дранок, поверх которых набрасывалась широкая береста и укладывался дерн. Особенностью внутреннего устройства этого типа юрт было наличие справа от входа чувала с наклонно установленным к стене дымоходом в виде широкого полого внутри соснового бревна, иногда обмазываемого глиной, и с открытым очагом, представлявшим невысокий сруб, заполненный утрамбованной глиной. Труба дымохода выводилась через круглое отверстие на крыше. Заметим, что такой чувал не обнаруживает аналогий у народов Сибири, более того, использование чувалов с дымоходом из тонких жердей, обмазанных глиной, якутами и обскими уграми исследователи относят только к 1920–1930-м гг.

Четырехстенные юрты предбайкальского образца являлись зимним жильем части присаянских бурят. Они представляли собой квадратные в плане, относительно высокие срубные постройки, их кровля покоилась на четырех опорных столбах, пространство между которыми занимала очажная площадка с открытым очагом. Интересно, что такие юрты иногда служили обителью даже для представителей родовой знати [1, с. 90].

К концу XIX в. буряты низменной части Тункинской долины уже перестают использовать бревенчатые юрты в качестве зимнего жилища [7, с. 207].

Чаще всего на летниках строились небольшие четырехстенные юрты *пираг* с козырьком из выпусков бревен над входом, с двускатной крышей, не имевшей потолочных перекрытий, с кровлей самцовой конструкции. Обычно стена такой юрты имела 8–9 венцов, т.е. была чуть ниже стандартной шести–восьмистенной юрты. Летним жилищем служила четырехстенная юрта старого типа. Состоятельные люди обычно строили восьмистенные юрты.

В 1890-е гг. в юртах начали устанавливать глинобитные печи и железные печи *яндан*. Производством этих печей занимались местные кузнецы. В отдаленных местах Восточного Присаянья, там, где не было возможности завозить кирпич или производить его на месте, кирпичных печей не знали, использовались только железные печи.

Следует отметить, что межкультурное взаимовлияние нашло проявление и в заимствовании русскими (жившими в контактной зоне с бурятами) бревенчатой юрты, которая использовалась ими как разновидность летнего жилища [7, с. 208].

По сообщениям информаторов, избы в западной части Тункинской долины появились достаточно поздно – только в 1920-е гг., между тем на остальной территории Тунки такое жилище было известно уже с начала XIX в. Появление у окинских бурят однокамерных срубных домов П.Г. Полтараднев относит к концу XIX в. [3, с. 57]. По нашим данным, избы в начале XX в. не были известны в южной и центральной частях Оки, первоначально они появились на севере края – в местах, прилегавших к современной Иркутской области. В прошлом это был своеобразный коридор, связывавший окинских бурят с предбайкальскими сородичами. География распространения этих домов указывает на то, что они были заимствованы окинскими бурятами от русских через переселившихся из Предбайкалья аларских и других бурят.

Первоначально побудительной причиной строительства домов было желание выпекать домашний хлеб, и функциональное их назначение ограничивалось использованием в качестве кухонного помещения. В дальнейшем стремление изобрести нечто среднее, сочетавшее в себе достоинства бурятской юрты и русского дома, привело к появлению гибридных построек [4, с. 250]. Вероятно, к началу 1870-х гг. такого рода жилища уже стали прочными реалиями. Владельцами этих домов были состоятельные люди.

В конце XIX в. другие богатые буряты заводили большие двухкамерные дома из нескольких комнат: большая кухня, где располагались и русская печь, и печка *малхан* с установленным котлом; комната для женской половины и детей; столовая [7, с. 185]. Нередко такие дома имели резные перегородки и изразцовые голландские печи [7, с. 208–209]. Аналогично предбайкальским бурятам стены складывали здесь «в лапу», на шипах по углам, а не «крюком», как было принято у русских [7, с. 185].

На межсезонных стоянках не строили основательных жилых зданий, обычно обходились небольшими четырехстенными юртами из тонких бревен или дощатыми сараями, крытыми дранкой и сосновой корой.

В улусах жилища близких родственников располагались, как правило, по соседству, их юрты, по сути, имели единую усадьбу, так как обносились общей оградой. Летнее поселение не огораживалось.

Для содержания крупного рогатого скота и овец на летниках возводили трехстенные навесы, позволяя шие животным укрыться во время солнцепека и непогоды. Отдельно отстояли телятники *тугалай хурэ* и загоны.

В горно-таежной зоне, помимо скотного двора со стаиками, навесами и загонами, на зимниках устраивались амбарчики *тумпун*, которые предназначались для хранения пищевых запасов, домашней утвари и одежды. В улусах тункинских бурят амбары строили по типу русских амбаров, постепенно такие постройки стали популярны и у окинских бурят [4, с. 235].

Новым явлением, правда достаточно редким, бы ло строительство бань, топившихся «по-черному».

Зимние стаики *хотон* в основном представляли старые перепрофилированные четырех–шести–вось мистенные юрты. Хотоны у окинских и тункинских бурят строились на определенное число голов крупного рогатого скота. Огородив небольшое пространство перегородкой из жердей *ирьенег*, в них помещали телят. В стаике *хониной хотон* содержали ягнят и овцематок. Причиной использования юрт для зимнего поста скота было отсутствие у бедной части бурят скотных дворов [7, с. 208]. В другие сезоны овцы находились в загоне под открытым небом. Закаменские буряты укрывали взрослый скот под крышей трехстенного хлева *дал*. Кровля такой стаики была покрыта жердями *олэр*, поверх которых укладывалась солома. Обычно в лет нее время солома убиралась, и жерди высушивались для последующего использования, заново кровля крылась осенью с началом стойлового содержания скота.

На плане двора амбары отстояли от юрты примерно на расстоянии 5–10 м к западу, а стаики – на 15–60 м к юго-западу. На незастроенном пространстве перед юртой, к востоку от дверного проема, традиционно находилась коновязь. Справа от юрты устанавливали обычные или конские кожемялки *эрьяулгэ*. Такая планировка была типичной для других этнотерриториальных групп бурят.

Подводя итоги исследованию, можно утверждать, что во второй половине XIX – начале XX в. жилищно-поселенческий комплекс, хотя и претерпел определенные трансформации (как правило, локального характера), но в целом сохранил свой традиционный облик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул // Зап. Сиб. отд. ИРГО. Иркутск, 1867. Кн. IX, X. С. 1–94.
2. Моллесон М. Краткий отчет о весенней экскурсии по р. Джиде в 1912 году // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамур. отд. ИРГО. М., 1914. Т. 15, вып. 3: 1912. С. 11–24.
3. Полторацнев П.Г. Окинский край // Жизнь Бурятии. 1930. № 5–6. С. 54–65.
4. Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. Ч. 4, 5 // Древняя и новая Россия. СПб., 1875. № 11. С. 230–255; № 12. С. 381–388.
5. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Приморская обл. и о. Сахалин. С. 433–1002.
6. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. М., 1973.
7. Астырев Н. На таежных прогалинах: очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891.
8. Нацов Г.Д. Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ, 1995. Ч. 1.

Статья поступила
в редакцию 10.02.2012 г.